

АФОРИЗМЫ

Русские
мыслители

От Ломоносова
до Герцена

В. Г. Носков

Афоризмы. Русские мыслители. От Ломоносова до Герцена

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5687964

*Афоризмы. Русские мыслители. От Ломоносова до Герцена: Мир
энциклопедий Аванта+, Астрель; М.; 2010
ISBN 978-5-98986-417-1, 978-5-271-29700-7*

Аннотация

В сборник вошли афоризмы, глубокие оригинальные высказывания видных деятелей русской культуры XVIII–XIX веков: Ломоносова, Новикова, Фонвизина, Батюшкова, Пушкина и многих других. В большинстве своем это цитаты из произведений, неизвестных широкой аудитории. Они позволят читателю обогатить свой интеллектуальный багаж и дадут частичное представление о настроениях, бытовавших в общественной жизни той давней эпохи.

Книга может быть полезна учащимся, журналистам, а также всем, кого интересует история отечественной философской мысли.

Содержание

ОТ НЕВЕГЛАСИЯ К ВЕРШИНАМ МЫСЛИ	4
БОГ И ЧЕЛОВЕК	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Носков Афоризмы. Русские мыслители. От Ломоносова до Герцена

ОТ НЕВЕГЛАСИЯ К ВЕРШИНАМ МЫСЛИ

В прошлом году в серии «Библиотека мудрости» издательства «Аванта+» вышел сборник «Русская классика в афоризмах. Золотой век». Настоящая книжка не только дополняет предыдущую, но и расширяет временные ее рамки. Представлены авторы XVIII века – славные предтечи деятелей золотого века русской культуры. И XIX века – времени ее расцвета. И не только потому представлены, что их мысли, суждения любопытны сами по себе. Более широкий исторический обзор позволяет читателю основательнее проследить пути-перепутья отечественной мысли.

I

Конечно, каждый человек мыслит, рассуждает, высказывает свое мнение по множеству вечных и сиюминутных вопросов. И все-таки мыслителями принято называть тех людей, кто делает это профессионально, для кого труд ума, любовь к мудрости – смысл жизни.

В первую очередь к мыслителям относят философов. Здесь не время и не место разбираться в том, чем философская мысль отличается от прочих. Зато уместно напомнить, что еще недавно в нашей стране оригинальной, системной философии не было вообще. Не зря Н. О. Лосский (1870–1965) начинает свою «Историю русской философии» с анализа работ славянофилов и западников, а это уже середина XIX века. Да что там философия – зачатки социального сознания, широкого просвещения появились при Петре Великом, насаждались его державной дубиной. Раньше попытки не удавались – типографию Ивана Федорова, например, москвичи сожгли, а сам мастер бежал во Львов. Навсегда.

Первый историк русской философии Густав Шпет (1879–1937) назвал периоды Киевской и Московской Руси по-старинному – «невегласием». В те времена книжность удовлетворяла лишь религиозные потребности, да и то с пятого на десятое. «Сколько древние русские *поучения* и *слова* говорят о низком культурном уровне, о дикости нравов и об отсут-

ствии умственных вдохновений у тех, к кому они обращались, столько же они свидетельствуют об отсутствии понимания задач истинной умственной культуры у тех, от кого они исходили». Народ на Святой Руси был благочестив, но невежествен до того, что при Борисе Годунове едва треть населения знала «Отче наш», не говоря о других молитвах. Густав Шпет видел причину столь плачевного положения в огромной политической и идеологической ошибке: «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории?» В итоге только бахвальство: Москва – третий Рим, но обойдемся без «еллинских борзостей» и пакостного латинства. Просветитель Юрий Крижанич (1617–1683) даже из тобольской ссылки обещал величие России и единение славян, заодно учил власти «немцев избегать и ненавидеть их, как дьяволов и драконов». У них, у немцев, до того дошла «телесная распущенность», что в горнице на пол плюнуть нельзя: служанка тотчас подотрет...

Петр Великий решительно прервал традицию невегласия. Он многого сделать не успел, но вектор российской жизни изменил бесповоротно. И если в XVIII веке науки и искусства стали робко давать обнадеживающие ростки, то философия в ее национальном характере – растеньице нежное, ей заботливый садовник нужен. Традиция нужна, школа. На выучку по воле императора пошли к тем самым немцам. Лейбниц и Вольф лично способствовали еще Петру, потом стали

авторитетами Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Нет, конечно, и Вольтером баловались, и англичанами, но больше для фронды, а у немцев именно учились. Десятилетиями накапливался, сортировался и отливался в недрах родного языка необходимый для самостоятельного мышления инструментарий – терминология, понятийный аппарат, категории диалектики. В итоге братья Аксаковы заспорили с Чаадаевым и Герценом, а там и до гениальных прозрений Владимира Соловьева рукой подать.

(К нашей теме не относится, но уж очень хочется напомнить, что учеба учебе рознь и ученик ученику тоже. Авторитет немцев как учителей обернулся для России очередной роковой ошибкой. Слишком прагматично, по зубрежке, а не по духу восприняли у нас Маркса в политике, а Ницше в искусстве. Чем эта инерция ученичества обернулась в XX веке – слишком хорошо известно. А ведь сам Маркс дважды ехидно замечал: я, мол, кто угодно, только не марксист. Но русские студенты, учась на рубеже веков в Марбургах и Гейдельбергах, всего Маркса не читали, их вполне устраивал «Коммунистический манифест». Что уж говорить о пресловутом рабочем классе.)

II

Итак, национальной философии в XVIII веке не было, но это не значит, что не было социальной мысли. А вместе с ней,

вместе со всеми общественными движениями бурно развивался и язык.

Вообще любой востребованный обществом язык — «живой как жизнь» и изменяется, обогащается вместе с жизнью. А для русского в ту эпоху были особенные условия. Развитие промышленности, освоение новых земель, закладка будущих городов (то на Урале Татищевым Пермь и Екатеринбург, то у «синего моря» Потемкиным Одесса и Николаев), новые международные связи... Ломоносов в 1764 г. сетует: «Между тем издана во Франции карта американских морских путешествий Чирикова и Берингова», а мы опаздываем! За век, от силы полтора, язык стал другим настолько, что сегодня мы не можем понимать без перевода переписку Ивана Грозного и Андрея Курбского. Да что там Грозный! Вяземский в 1823 г. писал: «Язык Ломоносова в некотором отношении есть уже мертвый язык». Между тем именно Ломоносов «преобразовал язык наш, созидая образцы во всех родах» (Батюшков, 1816).

У нас справедливо подчеркивают выдающуюся роль Пушкина в становлении современного языка. Не забудем только, что гений много создает, а еще больше завершает, закрепляет, венчает дело многих. Пушкин на грани веков дремал то в крестьянской зыбке, то в классической колыбели; то Арина Родионовна его баюкала, то хариты с Лелем качали. А Карамзин и братья Тургеневы писали уже вполне по-пушкински, и мы их прекрасно понимаем.

Где язык – там и литература. В бездонную копилку изречений писатели и поэты, критики и публицисты всегда вносили гораздо более весомый вклад, чем философы. Объяснений по крайней мере два – прозаическое и поэтическое.

Давно известно, что в любой области знания специалисты вынуждены создавать свой специфический, отличный от расхожего язык. На таком специальном языке даже русские слова звучат иностраннее латинских, а уж многоэтажноеTM, неуклюжести его предложений позавидовали бы строители Вавилонской башни. Такой язык с легкой руки Герцена (см. «Былое и думы», гл. XXV) называют «птичьим». Редкие ученые мужи этот недостаток признают, еще меньше умеют доходчиво, популярно излагать свои мысли. А афоризм, меткое изречение не совместимы с «птичьим» языком: если ученому вдруг повезет найти удачную крылатую фразу, она сразу заставит его добавить свежести, легкости и другим местам своего сочинения.

Второе объяснение ярко обосновал французский философ и математик Рене Декарт: «Может показаться удивительным, что великие мысли чаще встречаются в произведениях поэтов, чем в трудах философов. Это потому, что поэты пишут, движимые вдохновением, исходящим от воображения. Зародыши знания имеются в нас наподобие огня в кремне. Философы культивируют их с помощью разума, поэты же разжигают их искусством воображения, так что они воспламеняются скорее». Поспорить с аргументацией

Декарта можно, но сам факт неоспорим. Чтение хорошей изящной литературы развивает способность мыслить значительно скорее, нежели ученые труды по логике. Да и читать их приятнее – в трактатах редки искрометные фразы, чеканные афоризмы, остроумные сентенции.

Существенно то, что в России тех времен никакой другой общественной трибуны, кроме литературы, не было. Она поневоле заменяла и парламент, и суд присяжных, и другие демократические институты, и еженедельные издания с их неизбежной, но в меру необходимой «желтизной». Отсюда публицистичность, кураж всех этих многочисленных басен, записок (якобы сугубо личных), авантюрных и плутовских романов. А в публицистике – как обойтись без меткого слова, без ироничной насмешки? Это к тому, что среди русских мыслителей литераторы на первом месте.

III

Иной читатель может сказать, что по четкости и краткости, по красоте изложения суждений писатели начала Золотого века (тем паче их предтечи) сильно уступают нашим современникам – лучшим представителям афористики. Это правда, до Евгения Евтушенко или Игоря Губермана им далеко. Да только какой толк судить их строго – ведь они по сути еще школяры, учатся в классах Шамфора и Лихтенберга, Паскаля и Монтеня. К тому же специально афоризмы они

писали редко, других забот на общественной ниве хватало. Вот погодите – заявит о себе Козьма Прутков... Но наследство, которое они нам оставили, драгоценно само по себе, без привлекательной упаковки. Не эвристичнее ли вчитаться в их размышления повнимательнее?

Тем более что очень многое из написанного двести лет назад злободневно и сегодня. Ну, человеческие пристрастия, пороки и душевные подвиги – это понятно, это вечное для всех. Но в нашей стране веками одни и те же грабли, и мы даже гордимся ими, наступаем на них с упоением и гордостью. Такой у нас характер, особенный такой. А изучение и толкование его началось именно в XVIII веке.

Как правило, самые удачные, ставшие классическими афоризмы (народные поговорки, пословицы) – плод коллективного творчества на протяжении десятилетий, а то и веков. Дени Дидро как-то заметил: «Среди покойников находятся такие, которые приводят в отчаяние живых», а спустя поколения эта мысль обрела броское и запоминающееся выражение в поговорке: «Мертвый хватает живого». Блестящий Вяземский долго и нудно упрекал Мицкевича за то, что тому не хочется писать, не рассчитывая на благодарного читателя. А наша современница Новелла Матвеева заменила уговоры резонера эффектной насмешкой:

Жалок тот, у кого идиотства хватает
Не писать, потому что его не читают.

Кто поэт, тот поет и на острове голом,
Где от мира вдали он один обитает.

Без зачинателя Баркляя не было бы завершителя Кутузова. Всегда кто-то должен начинать, бормоча про себя формулу Пикассо: ты делаешь первый, а потом приходит второй и делает это красиво. Возможно, счастливый читатель этой книжечки увлечется какой-то глубокой, оригинальной, но несколько коряво для нашего уха выраженной мыслью. И озвучит ее в своем изложении, а другим останется завистливо восхищаться шедевром.

Пользоваться книгой легко. Каждая цитата в сборнике снабжена набором чисел. Первое после имени автора число – это порядковый номер произведения в указателе имен и произведений. Далее идут номера частей или глав – в зависимости от объема произведения. Бывает, что часть или глава не имеет нумерации, тогда приводится ее название. Так что каждый читатель может взять указанное произведение и прочесть его полностью или просто проверить составителя.

Владимир Носков

БОГ И ЧЕЛОВЕК

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого толь краток век...

(М. В. Ломоносов, 2)

Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет.

(М. В. Ломоносов, 11)

Однако многие суть и в христианстве столько богонеистовые, которые нас клятвенно и ныне уверяют, что они, особливо в недугах, действительно видели рай и ад и что первый представлялся им прекраснейшим садом, преисполненным веселия, а другой преужасным котлом, клопочущим несгораемую некоею жирною материею, и что они при всем таком привидении, будучи с душою и телом на сем жилище, видели Бога, которого они и в гадании не познают, лицом к лицу, и дьяволов также... Словом, от невещественных привидений больше суеверия, многобожия и зла рождается в све-

те, нежели от каких других причин.

(Д. С. Аничков, 1, 2)

Простой и непросвещенный народ склонен к многобожию и закосневает в оном.

(Д. С. Аничков, 1, Положения)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.